

Камалудин ГАДЖИЕВ

КОНСЕРВАТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КРИЗИС ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

В статье дается анализ факторов и процессов переоценки ряда ключевых ценностей и установок консерватизма в современном мире. Основное внимание концентрируется на таких его течениях, как неоконсерватизм и идеологии «новых правых».

The paper analyzes the factors and processes of revaluation of key values of conservatism in the modern world. The main attention is focused on some of its directions, such as neo-conservatism and ideologies of the «new rights-wingers».

Ключевые слова:

консерватизм, традиционный консерватизм, неоконсерватизм, «новые правые», власть, государство; conservatism, traditional conservatism, neo-conservatism, «new right-wingers», power, state.

Консерватизм — это не просто политическая программа той или иной партии или политический принцип, а система воззрений в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями. Все варианты современного консерватизма как на национальном, так и на международном уровне объединены определенным комплексом концепций, идей, принципов, идеалов, в совокупности составляющих течение консерватизма как самостоятельного типа западной общественно-политической мысли. В то же время при близком рассмотрении между отдельными национальными вариантами современного консерватизма, да и внутри этих последних обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений и т.д. Не случайно в западной литературе существует разноречивость во мнениях относительно вычленения и характеристики консерватизма: в нем, как правило, выделяют 4, 5, 7, а то и более течений или направлений. В целом, в большинстве национальных вариантов современного консерватизма можно выделить неоконсерваторов, «новых правых», традиционалистских или патерналистских консерваторов.

При этом следует отметить, что сближение позиций отдельных группировок «новых правых» и неоконсерваторов в ряде стран по целому комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в ней, заходит настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое радикалистское течение консерватизма, под которым подразумеваются, прежде всего, рейганизм в США и тэтчеризм в Англии, установки которых в том или ином сочетании были заимствованы «неоправыми» и неоконсерваторами Западной Европы. Их позиции, ценности и принципы нашли отражение в установках так называемого Вашингтонского консенсуса, который пользовался довольно заметным влиянием в 1990-х — начале нулевых годов.

Верно, что апелляция к принципам свободного рынка и свободной конкуренции, критика государственного вмешательства, «государства благосостояния», социальных реформ и т.д. характерны для программных выступлений многих ведущих государственных и политических деятелей Запада консервативной ориентации. При всем том представители большинства консервативных политических сил, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, признают невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврата к системе,

ГАДЖИЕВ
Камалудин
Серражудинович —
д.и.н., профессор;
главный научный
сотрудник
ИМЭМО РАН

основанной всецело на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции. Это особенно наглядно обнаруживается при анализе их позиций в отношении программ социальной помощи, являющихся одним из важнейших объектов критики консервативного лагеря.

По мнению «неоправых» и неоконсерваторов, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи «государства благосостояния» разрушают сам принцип опоры каждого человека на собственные силы и воспитывают в людях иждивенческие настроения. Но вместе с тем большинство консерваторов выступают за сохранение с теми или иными модификациями государства благосостояния. Как отмечал, например, американский неоконсерватор И. Кристол, неоконсерватизм — это «не развитие в стиле *laissez-faire*, его цель — консервативное государство благосостояния»¹. А известный американский консервативный публицист Дж. Уилл даже написал статью под характерным названием «В защиту государства благосостояния»². Немецкий исследователь Р. Зааге пытался обосновать идею «этанитарного неоконсерватизма»³.

Приступая к анализу собственно консервативного пласта современной западной общественно-политической мысли, следует отметить, что между «неоправыми» (особенно если отсечь от них крайне правых радикалов и другие экстремистские группировки) и неоконсерваторами, объединяемыми в «радикалистское» течение, весьма трудно провести сколько-нибудь четкую границу, определить тот рубеж, с которого начинается традиционалистский вариант консерватизма. Этим объясняется тот факт, что в западной литературе наблюдается значительный разнобой по вопросу о включении тех или иных исследователей или политических деятелей в одно из названных течений: например, куда отнести, прежде всего, Р. Рейгана, М. Тэтчер, Г. Коля, которых одни авторы называют неоконсерваторами, другие — «новыми правыми», а первых двух зачастую — радикалами? Американских политологов и социологов С. Хантингтона и Р. Нисбета одни причисляют к неоконсер-

ваторам, а другие — к традиционалистским консерваторам, а Д. Белл, С.М. Липсет и Н. Глейзер, оспаривая позицию тех, кто считает их неоконсерваторами, называют себя либералами. В ФРГ имена Б. Вильмса, А. Молера, Г. Рормозера и др. фигурируют в числе то «новых правых», то традиционалистов, то правых консерваторов. Таких примеров можно привести множество.

В целом же часть неоконсерваторов по политическому происхождению — бывшие либералы или даже социал-демократы. И действительно, Г.-К. Кальтенбруннер вышел из леволиберальных кругов, Г. Машке в конце 60-х гг. увлекался идеями студенческого самоуправления, Х. Люббе и А. Шван — тоже бывшие социал-демократы. Большинство американских неоконсерваторов — социал-демократы и перебежчики из либерального лагеря. Что же касается «новых правых», то их идейно-политические ориентации, установки и ценности сформировались на стыке правого радикализма, традиционалистского консерватизма и неоконсерватизма. У них установки и ориентации современного консерватизма выражены в заостренной, жесткой, бескомпромиссной, доведенной до логического конца форме. Другими словами, расхождения между неоконсерваторами и «новыми правыми» зачастую лежат не столько в плоскости основных исходных принципов, сколько в степени упора, концентрации внимания на тех или иных их аспектах. Поэтому дальше они анализируются в едином блоке (разумеется, когда это необходимо, учитываются существующие между ними расхождения).

Прежде всего, в чем же состоит новизна неоконсерваторов и «новых правых»? Как правило, в качестве одного из важнейших элементов консерватизма рассматривается неприятие или неприязнь идеологий, идей, теорий и т.д. Как писал, например, известный американский поэт и историк консервативной ориентации Р. Вирек, консервативное мышление носит «анти-теоретический» характер, в то время как либеральное мышление рационалистично и целенаправленно конструирует разного рода абстрактные схемы, в соответствии с которыми пытается переустроить общество⁴. Однако это лишь одно измерение консерватизма. Дело в том,

¹ Commentary, February 1984, p.45.

² The New Republic, May 1983, p. 20.

³ R. Saage. Rückker zur starken Staat Studien über Konservatismus, Faschismus und Demokratie. — Frankfurt a. M., 1983, s. 134.

⁴ Viereck P. Conservatism Revisited. — N.Y., 1962, p. 100.

что сам консерватизм — не что иное, как идейно-политическое течение, течение общественно-политической мысли, комплекс идей, концепций, принципов и т.д. В действительности, когда говорят об «антиидеологичности» и «антитеоретичности» консерваторов, по сути дела имеется в виду не то, что у них вообще нет идей и теорий, а то, что они отдают предпочтение прагматизму, оппортунизму, компромиссу перед абстрактными схемами.

В этом направлении в 70-х—90-х гг. минувшего века произошли существенные сдвиги. Устами одного из лидеров американского неконсерватизма И. Кристола консерваторы заявили, что «неидеологическая политика — это безоружная политика»¹. Как утверждал один из руководителей французских «новых правых» А. де Бенуа, «захват власти совершается не только благодаря политическому выступлению, посредством которого овладевают государственным аппаратом, но и благодаря долгосрочной идеологической подготовительной работе в гражданском обществе». Исходя из таких установок, консерваторы поставили задачу идеологического перевооружения стратегии. Так, характеризуя положение дел в Великобритании с этой точки зрения, английский публицист Д. Уотсон писал: «Впервые со времен Дизраэли британский консерватизм охвачен идеологической лихорадкой»². Идеологизация или реидеологизация данного варианта консерватизма выражается в защите его представителями принципов отношений свободного рынка, индивидуализма, свободной конкуренции, в критике государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т. д.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-кво, существующих в каждый конкретный исторический период институтов, социальных структур, ценностей и т. д. В действительности же консерватор не мог игнорировать все без исключения изменения. Бёрковскому стандарту государственного деятеля, как говорил сам отец-основатель английского консерватизма Э. Бёрк, отвечали «предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе». Даже

у Ж. де Местра, о котором у нас сложилось представление как о решительном и бескомпромиссном защитнике феодальных и абсолютистских порядков, монархические и клерикальные взгляды уживались с определенной долей терпимости в религии и признанием неизбежности перемен. Он считал изменение «неизбежным признаком жизни». Более того, де Местр признавал факт эрозии старого порядка и неизбежность Великой французской революции³.

Такой подход присущ и большинству современных консерваторов. Как отмечает, например, один из видных деятелей консервативной партии Великобритании Ф. Пим, консерватизм выступает за медленные и постепенные изменения, имеющие целью сохранение всего хорошего и исправление дурного. Например, в трактовке роли государства в различных сферах общественной жизни позиции консерваторов изменяются в зависимости от конкретных обстоятельств. С изменением наличных структур изменяется и содержание консерватизма. Причем, как справедливо отмечал Б. Гудвин, «консерватизм — это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага»⁴. Иначе говоря, важнейшие положения консерватизма складывались и эволюционировали в качестве ответной реакции на изменения в противостоящих ему идейно-политических течениях. Он носил вторичный по отношению к либерализму, различным формам буржуазного и социального реформизма, а также левого радикализма характер. С этой точки зрения идеологические и социально-философские конструкции консерватизма характеризуются эклектизмом и прагматизмом. Это определяло и другие важные его особенности — поливариантность и противоречивость, доходящие порой до прямой конфронтации и несовместимости отдельных составных элементов.

Самое, казалось бы, парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. Разгадка их успеха сначала в Англии и США, а затем в ФРГ, Франции и других странах в значительной степени кроется в том,

¹ Commentary, February 1984, p. 45.

² Watson G. The Idea of Liberalism: Studies for a New Map of Politics. — L., 1984, p. 46.

³ Konservatismus International. — Stuttgart, 1973, s. 269.

⁴ Goodwin R. The American Condition. — Garden City, 1974, p. 123.

что они предложили перемены в момент, когда большинство избирателей желало перемен. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ большинства консервативных партий стало обещание перемен. Лексикон консерваторов изобилует такими понятиями, как «поворот», «перемена», «переоценка», «новая ориентация», «обновление» и т.д.

Особенность неоконсерватизма состоит также в том, что из противников научно-технического прогресса они превратились в убежденных его сторонников. Так, тесно связывая с научно-техническим прогрессом изменения в различных сферах общественной жизни, французские «неоправые» претендовали на то, чтобы «подготовить почву для революции XXI в., которая соединила бы древнейшее духовное наследие с самой передовой технологией.

И наоборот, антисциентизм, в отличие от прежних его форм, которые, как правило, возникали в рамках философского иррационализма, в нынешних условиях характеризуется не «правой» или «консервативной» ориентацией, а, наоборот, «левой» ориентацией. Еще представители франкфуртской школы как бы «отняли» антисциентизм у правых и интегрировали в идейно-политические и социально-философские конструкции левых сил. Сложилась ситуация, при которой апелляция к науке как средству решения стоящих перед обществом проблем стала рассматриваться как защита статус-кво и тем самым как выражение политического консерватизма, в то время как по-своему толкуемый антисциентизм стал лозунгом отдельных левых или либеральных группировок, выступающих под лозунгом преобразования существующей системы на основе принципа «меньше — это лучше», постматериальных ценностей и т.д. Другими словами, в оценке научно-технического прогресса и сциентизма консерватизм и либерализм (левый либерализм), а также левые, по крайней мере отдельные группировки их приверженцев, как бы поменялись местами.

Собственно говоря, новое у «новых правых» и неоконсерваторов в значительной степени состоит в том, что они делают упор на социокультурные и религиозные проблемы, на религиозное и культурное отчуждение. Как утверждает П. Вьяль, буржуазное потребительское общество, в котором вся система ценностей строится

на экономике, оставляет людей в состоянии духовной нищеты¹. Исходя из аналогичного тезиса, идеолог американских «неоправых» П. Уэйрич подчеркивает: «Сама суть нового правого — это основанный на морали консерватизм». «Наши лозунги основываются не на экономической теории, а на религиозных взглядах», — утверждает он².

Религиозный и социокультурный традиционализм часто идут рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей. В конце концов, религия тесно связана с культурной традицией как часть образа жизни в целом. Когда этот образ жизни подвергается опасности, его религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами защиты существующей системы и привычного образа жизни. Интерес неоправых и неоконсерваторов к социокультурным и морально-этическим проблемам не случаен, а имеет под собой реальную основу. Если совсем недавно проблематика культуры представляла собой как бы неотчуждаемую собственность философии культуры или в лучшем случае — философии истории, то в последние десятилетия она приобрела социологическое и политологическое измерение, обнаружив органическую связь с социально-экономическими проблемами. Поэтому не удивительно, что известный американский социолог Д. Белл пытался объяснить суть конфликтов в современном западном обществе «культурными противоречиями капитализма». Белл отдает приоритет политике перед социальной структурой и культуре — перед политикой, поскольку, по его мнению, именно культура самым непосредственным образом связана с ценностями и идеалами, которые в конечном итоге формируют историю. Культура определяет социальное и политическое поведение, и поэтому основа современных конфликтов — в «культурных противоречиях капитализма».

Придавая первостепенное значение культуре в качестве системообразующей категории, одну из своих главных целей «неоправые» видят в ликвидации «монополии левых в области культуры» и

¹ Vial P. Pour une renaissance culturelle. — P., 1979, p. 15.

² Weyrich P. On the New Right. — N.Y., 1982, p. 8.

завоевании «культурной власти над обществом», считая это необходимой предпосылкой для завоевания политической власти. Как писал, например, А. де Бенуа, «нельзя овладеть политической властью без предварительного завоевания культурной власти»¹. Примечательно, что они называют свою стратегию «правым граммизмом».

В целом, для «неоправых» и неоконсерваторов характерно амбивалентное отношение к государству. С одной стороны, в глазах консерваторов государство — это источник и защитник закона и морали. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. Для них характерно позитивное, зачастую авторитарное отношение к государству, что, в свою очередь, предполагает или порождает антииндивидуализм. С другой стороны, сильное государство может оказаться инструментом подавления индивидуальной свободы. Поэтому теоретики неоконсерватизма и «новых правых» постоянно подчеркивают «важность ассоциаций людей, меньших по размеру, чем государство». Они настойчиво приводят доводы и аргументы в пользу восстановления традиционных ценностей и идеалов с акцентом на семью, общину, церковь и другие промежуточные институты, в которых, как считает У. Вальдгрэйв, единство между различными компонентами осуществляется родственными, географическими, экономическими, культурными или иными узлами, обеспечивающими преемственность материальных и духовных ценностей.

При необходимости выбора между индивидуальным и обществом значительная часть консерваторов ставит на 1-е место общество. По их мнению, последнее, будучи значительно шире правительства, исторически, этически и логически выше отдельного индивида. Права отдельного человека носят одновременно и естественный, и социальный характер: естественный, потому что принадлежат человеку, созданному Богом в качестве части великого плана природы, а социальный, потому что человек может пользоваться этими правами лишь в организованном обществе. Правительство является политическим

орудием общества, призванным обеспечить и защитить естественные права человека, а стабильная и эффективная экономика — это слияние индивидуального предпринимательства, групповой кооперации и правительственного регулирования.

Для приверженцев традиционалистского или патерналистского консерватизма характерен больший, чем у «новых правых» и неоконсерваторов упор на традицию, тесно привязанную к религии. При этом, если американские «новые правые» отдают предпочтение модернизированным формам вероисповедания через так называемые электронные церкви, их европейские единомышленники выступают вообще за отказ от иудеохристианской традиции и возрождение язычества, а неоконсерваторы, по крайней мере значительная их часть, являются приверженцами либеральных церквей, или же деистами, то традиционалистские консерваторы склонны в большей степени поддерживать католицизм и протестантизм в их традиционных ипостасях. У них под традицией подразумеваются универсальные, трансцендентные ценности и принципы, которые пронизаны религиозным духом. Отказ от этих ценностей и принципов рассматривается ими как главная причина всех негативных явлений в современном обществе.

Консерваторы в значительной степени правы, рассматривая власть и необходимость подчинения дисциплине как важный атрибут государственности. И действительно, где нет дисциплины, закона и порядка, там нельзя говорить об эффективности и дееспособности государственно-политических институтов, об их полной легитимности в глазах основных категорий населения. В современных условиях позиции консерваторов по данному кругу вопросов приобретают дополнительную значимость, что в глазах части населения увеличивает их притягательность. Тем более что представители почти всех национальных вариаций консерватизма пытаются привести новые аргументы в пользу традиционного для него синтеза индивидуализма и авторитета государства, индивидуальной свободы и всеобщей воли.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ — проект № 12-03-00599.

¹ Benoist A., de. *Vù de droite.* — P., 1977, p. 452.